

В частной школе училось всего пятнадцать учеников. Большинство из них пришли на эту улицу незадолго до уездных экзаменов, чтобы проникнуться духом просвещения, а совсем маленьких детей среди них почти не было. Все они приехали на занятия заранее и по собственной воле. Господин Линь снова рассеянно собрал домашние задания, бросил пару случайных замечаний, а когда собрались все остальные, стал по очереди вызывать учеников декламировать выученное наизусть.

Цуй Се начал читать «Ши цзин» только после того, как поступил в эту школу, поэтому считался почти личным учеником господина Линя. К тому же он был богачом, так что господин Линь относился к нему с большей теплотой, чем к остальным. Едва трое имевшихся младших учеников закончили декламировать «Троесловие», учитель вызвал его отвечать.

По какой-то причине каждый раз, когда он вставал, чтобы читать наизусть или разбирать текст, несколько учеников украдкой поднимали на него глаза, а кто-то внизу даже качал головой и беззвучно шевелил губами, подражая его артикуляции. Если бы после уроков эти ребята не вели себя тихо и смирно — за исключением редких попыток похвастаться перед ним своими стихами и сочинениями — Цуй Се решил бы, что они пытаются устроить школьную травлю.

Впрочем, если подумать, хвастаться своими успехами перед неуспевающими учениками изо дня в день — разве это не своего рода моральное насилие?

Господин Линь спросил стихотворение «Нань ю цзя юй», которое они разбирали вчера. Прежде чем начать декламацию, Цуй Се неосознанно повернул голову и мельком глянул на тех учеников. Их взгляды встретились, и юные школяры лет четырнадцати-пятнадцати в панике отвернулись, будто их поймали на шпаргалке, густо вспыхнув до самых ушей.

«Эх, ну и слабаки! Душа-то рвется устраивать дедовщину, да кишка тонка».

Про себя он покрутил головой и с чувством начал декламировать:

— «На юге есть прекрасная рыба, она плавает в сетях... У благородного мужа есть вино...»

Он привык читать текст вперемешку с толкованием, а толкования в комментариях к «Ши цзин», по сравнению с Четверокнижием, были весьма краткими. Декламировать их доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие — словно лететь вместе с бурным водопадом.

Господину Линю тоже очень нравился такой способ заучивания. Прикрыв глаза, он слушал, как Цуй Се дошел от «Нань ю цзя юй» до «Тун гун», затем кивнул и с удовлетворением улыбнулся:

— Ты прекрасно справляешься с заучиванием, мне даже не нужно тебя подгонять. Позже повтори пройденное самостоятельно, а новый раздел сегодня разбирать не будем.

Цуй Се с покорным поклоном отступил и вернулся на свое место. Он слушал, как господин Линь вызывает тех, кто учился дольше него, точно так же проверяет их память, а затем дает новые темы для стихов и сочинений. Этим туншэнам оставался всего шаг до звания суйцзя, так что учителю не требовалось водить их за руку. Господин Линь быстро расправился с ними и вызвал Цуй Се для индивидуального занятия.

Испытывая трепет современного человека перед багувэнь — жанром, безраздельно господствовавшим в эпохи Мин и Цин, — Цуй Се слушал уроки даже внимательнее, чем обычно. Ему страстно хотелось завести записную книжку, чтобы фиксировать каждое слово и

потом перечитывать в любое время.

Господин Линь выпрямился во весь рост и заговорил строгим тоном:

— Когда двор проводит императорские экзамены для отбора чиновников, судебские решения, указы, манифесты, доклады и рассуждения о текущих делах — все это лишь второстепенные мелочи. Единственное мерило и критерий — это сочинения по Пятикнижию и Четверокнижию. Я не стану вести с тобой пустых разговоров о «раскрытии тонкого смысла и великой мудрости совершенномудрых». Мы, ученые люди, пишем сочинения для одного — чтобы сдать экзамен!

— Взять, к примеру, столичный экзамен года Синьчоу. Со всей Поднебесной в столице собрались четыре тысячи талантливых мужей. Девятого числа второго месяца — столичный экзамен, пятнадцатого числа третьего месяца — дворцовый экзамен. За это время дюжине экзаменаторов из пяти палат нужно проверить по три работы от каждого из четырех тысяч кандидатов! Сколько работ один экзаменатор должен прочесть за день? Насколько внимательно он сможет их изучить? Он лишь бегло пробежит их глазами и посмотрит только первую тему первого тура! Если первое сочинение по канонам написано плохо, то насколько бы хороши ни были последующие, у экзаменатора просто не найдется времени в них вчитываться.

Он говорил с невероятным азартом, выделяя интонации, словно сказитель в чайной, размахивал руками и, казалось, вот-вот вскочит на стул.

Разумеется, в итоге он так и не вскочил. Напротив, голос его понизился, и он, взглянув на ученика со всей серьезностью Чжэн Чжуна, произнес:

— Сегодня я сперва объясню тебе зачин. Хотя зачин состоит всего из трех-четырех фраз, раскрывающих суть темы, и на вид кажется простым, написать его труднее всего. Как говорится: «До зачина статья подчинена мне, после зачина я подчинен статье». Глубина твоей задумки, богатство твоих познаний и сила твоего пера видны в этих нескольких строках как на ладони.

Цуй Се беспрестанно кивал, открыв глаза шире обычного, отчего над веками пролегли глубокие и длинные складки, точно пририсованные кистью.

Господин Линь остался весьма доволен его усердием. Он взял со стола сборник образцовых сочинений, пролистал несколько страниц, указал на тему «Чжоу-гун помышлял совместить мудрость трех владык, дабы осуществлять четыре деяния» и взглянул на Цуй Се:

— Это сочинение академика Вана Цзичжи (академик Ван), победившего на экзаменах в год Ивэй. Посмотри на этот текст! Это настоящий образец для всей Поднебесной! На примере этой статьи я и раскрою тебе правила составления зачина.

Цуй Се подошел к столу и наклонился над текстом. Первые две строки гласили: «Великий мудрец, рассуждая о древнем святом, желавшем объединить добродетели всех прежних правителей и воспринять их давние труды, пишет, что движимо это было единым сердцем, полным заботы, усердия и благоговейного трепета».

Он весьма понятно заговорил:

— Этому тексту соответствует тема из «Мэн-цзы: Ли Лоу, часть вторая». Суть ее в том, что Чжоу-гун желал последовать примеру трех правителей-святых древности — Юя из династии Ся, Тан-вана из династии Шан, а также Чжоуского Вэнь-вана и У-вана. Как Юй, он презирал

хмельное вино, дурманящее разум, и ценил разумные советы; как Тан, держался срединного пути и приближал достойных; как Вэнь-ван, пекся о народе и, идя праведным путем, неустанно стремился к совершенству; как У-ван, не пренебрегал близкими слугами и не отталкивал дальних. А выражение «забота, усердие и трепет» в зачине взято прямо из комментариев Чжун-цзы, восхвалявших усердие Чжоу-гуна в государственных делах и его стремление подражать добродетелям прежних правителей.

Господин Линь кивнул:

— Четверокнижие ты помнишь хорошо. Но знаешь ли ты, почему в исходной теме названы Чжоу-гун и три владыки, а в зачине они заменены на «великого мудреца» и «древнего святого»?

«Это... потому что слова в зачине не должны повторять формулировку самой темы?»

Цуй Се сомневался и не решался высказать эту мысль вслух. Впрочем, господин Линь и не ждал от него ответа. Поглаживая жидкую бороду, он продолжил:

— В зачине запрещено прямо упоминать имена. К примеру, трех древних правителей, Вэнь-вана, Чжоу-гуна или совершенномудрого Конфуция следует величать «святыми», а прочих мыслителей — «мудрецами». И лишь Мэн-цзы можно назвать как «вторым святым», так и «мудрецом». Что касается растений, птиц, зверей и предметов быта, их обобщенно называют словом «вещь». Словом, в зачине ни людей, ни предметы из темы нельзя называть прямыми именами — их нужно заменять иносказаниями, взятыми из канонов.

«Хм... Выходит, зачин — это нечто вроде формулировки темы в современных школьных сочинениях?»

Цуй Се не удержался и спросил:

— То есть зачин — это когда ты понял смысл темы и объясняешь его своими словами?

Господин Линь слегка кивнул и произнес:

— Если упростить, то да. Когда тема раскрывается последовательно, слово за словом, — это называется прямой зачин. Если же порядок меняется и сначала объясняется вторая часть темы, а затем первая, — это обратный зачин. Но мало просто передать смысл, нужно уловить самую суть, и главное здесь — именно «раскрыть». Если зачин строго привязан к формулировке темы и разъясняет слово за словом — это явный зачин. Если же прямого цитирования нет, а смысл выражен иными словами — это скрытый зачин. Сочинение академика Вана как раз пословно разъясняет стремление Чжоу-гуна следовать примеру прежних правителей и править милосердно, так что это явный зачин.

— Есть и еще одно строжайшее табу: в зачине нельзя забегать вперед или оглядываться назад, касаясь того, чего нет в самой теме. Взгляни на эту строку: «Чжоу-гун помышлял совместить мудрость трех владык, дабы осуществлять четыре деяния». Читая тему, ты первым делом должен вспомнить, в какой главе и какой строке «Мэн-цзы» она находится, связать ее с контекстом и понять ее значение в тексте. Однако при составлении зачина ни в коем случае нельзя вплетать слова из предшествующего или последующего текста.

— К примеру, если в зачине ты станешь расписывать, кем именно были три владыки и в чем заключались четыре деяния, это сочтут забеганием вверх, то есть нарушением контекста темы. А если упомянешь последующие строки о том, как Чжоу-гун днем и ночью думал о праведном

правлении, это назовут вторжением вниз. Представь сам: во время кэцзюй у проверяющих и их помощников глаза на лоб лезут от количества работ! Им некогда вчитываться в хорошие сочинения, они первым делом ищут ошибки. Стоит им увидеть, что в зачине ты вторгся в верхний или нижний контекст — разве они не отбракуют твою работу не задумываясь, лишь бы убавить себе работы?

«И то верно. Если школьник отклоняется от темы в сочинении, он хорошей оценки не получит. А на столичном экзамене конкурс такой, что проходной балл едва достигает десяти процентов. Зачем держать того, кто отклонился от темы, когда полно работ, написанных строго по правилам и идеально?»

Видя, что господину Линю предстоит рассказать еще немало, Цуй Се попросил извинения, вернулся к своему столу, взял самодельный блокнот, складывавшийся гармошкой, обмакнул кисть в учительскую тушечницу и начал конспектировать.

Господин Линь с великим одобрением отнесся к такому рвению. Он подвинул к нему сборник образцовых сочинений и, указывая на зачин, продолжил:

— Есть еще две гибельные ошибки. Если зачин не раскрывает тему полностью, это называют «упущением темы». А если все слова темы вроде бы раскрыты, но текст скроен кое-как и лишен целостности, это называют «бранью темы». Те, кто совершает подобные ошибки, конечно, знают предмет чуточку лучше нарушивших верхний или нижний контекст, но на экзамене их ждет точно такая же участь — работу отбросят не глядя.

<http://bllate.org/book/18372/1761266>